

Революционный синдикализм и анархизм

1907, источник: М. Корн "Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др", - СПб-М.: Голос Труда, 1920. Настоящая брошюра появилась впервые в издательстве „Листков Хлеб и Воля“, в 1907 году, под псевдонимом „М. Изидина“.

I

Мы переживаем теперь крайне интересный момент в истории развития рабочего движения и социалистической мысли. Социалистические партии, превратившиеся в партии исключительно парламентские и на целый ряд лет застывшие в полном довольстве собою, в полном отрицании всякой критики, не заметили, как совершенно независимо от них выросло и развилось новое движение — то движение, которое стало теперь повсюду известно под именем революционного синдикализма.

Вначале социал-демократия отнеслась к нему презрительно, враждебно: она узнала в нем близкого родственника анархизма и перенесла на него всю свою ненависть к последнему. Против него не щадили ни насмешек, ни клеветы, ни интриг. Но революционный синдикализм быстро рос и становился силой, и вражда к нему отзывалась губельно не на нем, а на самих социалистических партиях: все дальше и дальше уходила от них рабочая масса, и все непримиримее по отношению к ним становилось синдикалистское движение. Скоро стало ясно, что так называемые „рабочие партии“ живут совершенно вне рабочих, а рабочее движение идет своим, не только независимым, но и враждебным им путем. И вот, в настоящее время перед партиями стоит дилемма: или окончательно отказаться от претензии воплощать в себе дух и интересы рабочего класса, или приспособиться к новому течению.

Наиболее умные и дальновидные деятели социал-демократии поняли это, и теперь мы присутствуем при полной и удивительной перемене фронта: в странах, где революционный синдикализм силен, образуется внутри социалдемократических партий левое оппозиционное крыло, у которого вражда к синдикальному движению уступает место отношению, которое нельзя назвать никак иначе, как „заигрыванием“. Во Франции, социал-демократ Лагарделль вдруг „открывает“ синдикальное движение и в своем журнале „*Mouvement socialiste*“ превозносит его как „новую“ форму социализма, противоположную социализму парламентскому. В Германии революционный синдикализм рабочих организаций — явление еще совсем новое: „локалистские“ союзы численно еще очень слабы и потому не внушают опасений ни крайне отсталой общей массе профессиональных союзов,

ни социал-демократической партии. Но наиболее проницательные члены последней — из крайних левых — уже заглядывают в будущее и идут ему навстречу: таков напр. Роберт Михельс, не щадящий в своих статьях злой критики по адресу своих товарищей и приветствующий в лице синдикализма возрождение истинно-социалистических идей. В Италии в социалистической партии образуется, под названием „синдикалистов“, резко обозначенное левое крыло (Лабриола, Панунцио и др.). И нет сомнения, что скоро мы будем присутствовать при подобном же явлении и в России. Синдикализмом начинают интересоваться, и, пожалуй, недалек тот момент, когда он „войдет в моду“. Представители социал-демократии делают ему очевидные уступки.

Все это — ничто иное, как попытки обновить социал-демократию, внести в нее исчезнувшую революционную и социалистическую идею, но притом сделать это так, чтобы это не показалось капитуляцией перед идеями анархизма (близость которого с современным революционным синдикализмом бросается в глаза). Мало того: главная цель этих попыток — вырвать рабочее движение из рук анархистов. Аргумент: „Если мы не сделаем того и того (напр. не заявим о своих симпатиях к идее всеобщей стачки, не будем протестовать против увлечения парламентаризмом и т. д.), то рабочие уйдут к анархистам“ — сделался в последние годы очень веским аргументом в социал-демократической среде. Даже в России, где еще собственно нет настоящего рабочего синдикалистского движения, мы видим то же самое. Уже теперь Хрусталеv, призывая социальдемократов к более тесному общению с рабочей массой грозит им влиянием „анархо-синдикалистов“ [1].

Во Франции, в Италии и в других странах, где преобладание анархо-синдикалистов — уже совершившийся факт, теоретики социал-демократии прибегают в своих попытках примирения с революционным синдикализмом к другому, удобному и много раз испытанному, средству: заявляют, что истинный провозвестник синдикализма — Маркс, а истинные синдикалисты — его последователи. Сходство, а во многом и полное тождество, синдикалистских идей с анархическими затушевывается, но зато тщательно подчеркивается в марксистской литературе все то, что содержит хоть слабый, хоть отдаленный намек на современный синдикализм. Так известная фраза "Коммунистического Манифеста" о том, что развитие крупной промышленности, объединяя рабочих, подкапывается под самые основы буржуазного строя, превращается в глазах новообращенных синдикалистов из социал-демократического лагеря в „тесную и неразрывную связь, которая соединяет синдикализм с "Коммунистическим Манифестом" [2] — а следовательно и с современной социал-демократией. За неимением лучшего, конечно приходится довольствоваться малым!

Как бы то ни было, однако, это положение включает в себе некоторую опасность. Новое направление в социальдемократии бесспорно стремится к одному только: это — преподнести рабочим все те же идеи под новым, популярным, флагом синдикализма и тем повернуть живое революционное течение в старое русло социальдемократической программы. Вот почему революционному синдикализму следует остерегаться дружественного отношения социальдемократии гораздо больше чем ее вражды.

В одной из следующих статей мы займемся вопросом о происхождении и исторической преемственности революционно-синдикалистских идей; теперь мы имеем в виду только их отношение к современным социалистическим течениям. Идеал и программа социал-демократии всем известны: коллективистское централизованное государство, сосредоточивающее в своих руках всю экономическую жизнь; завоевание политической власти, как путь к достижению его и как цель социалистического движения; парламентская деятельность, как необходимая принадлежность социалистической программы — все это идеи, в сфере которых мы долго почти исключительно вращались и которые, в глазах многих, слились даже с самым понятием социализма.

Сопоставим же эти положения с руководящими положениями революционного синдикализма, и мы увидим, что здесь — два противоположных полюса социалистической мысли.

Цель рабочего движения здесь — установление такого общественного строя, в котором владение орудиями труда переходит к рабочим, организованным в производительные группы, свободно федерирующиеся между собою. Эти экономические организации должны заменить собою всякую организацию политическую, т. е. государственную.

Современные рабочие союзы — ни что иное, как зародыши этих будущих групп. Путь к достижению этой цели — непосредственная экономическая революция, экспроприация, производимая самими рабочими организациями, помимо всякого участия политической власти. Началом и могучим орудием этой революции должна послужить всеобщая стачка.

В настоящей, повседневной борьбе с буржуазией — захватный порядок и все средства непосредственной рабочей борьбы: стачки, бойкот, саботаж [3]. Деятельность парламентская, избирательная в этой программе не существует: она не возбуждает никаких надежд, никакого интереса. „Вы говорите, что о нас сегодня делают запрос в Палате?" — спрашивают, после забастовки электрических станций, в Париже, синдикальные деятели у явившегося к ним журналиста. — „Что-ж, пускай, нам все равно: мы не просим их о себе хлопотать". Прибавим к этому, что в организационном отношении революционный синдикализм держится федералистических принципов; что дисциплина в нем не ценится, культ большинства не существует. Наконец, отсутствие уважения к закону и легальности и самый резкий антимилитаризм дополняют общую физиономию движения.

Не нужно долго думать над этими понятиями, чтобы увидеть и решить категорически, к какому направлению в социализме это течение примыкает. Это — те самые идеи, которые всегда, с самого Интернационала, проповедовал анархизм. Еще Бакунин, в своей статье „Политика Интернационала" [4] обрисовал желательную ему политику такими чертами, что современное синдикальное движение кажется буквальным осуществлением этой программы. Затем, вся последующая анархическая пропаганда в Западной Европе, вся литература — газеты „Le Revolte" и „La Revolue" (мы берем наиболее сильные и типичные), „Речи Бунтовщика" и „Завоевание Хлеба" Кропоткина, целая масса брошюрной литературы, — вся практическая деятельность анархистов в рабочей среде — что это, как не проведение тех же самых принципов? Разница только в том, что в анархизм входит еще и ряд философских, этических, исторических и других взглядов, тогда как синдикализм есть

движение чисто практическое. Но с этими практическими взглядами совместима только одна теория, и это — теория анархическая. Только она может служить обобщением этой практики и путеводной нитью для нее.

Это доказывается хотя бы тем, что когда „синдикалистам" из социал-демократического лагеря приводится обосновывать свое мирозерцание, они говорят языком анархистов. — „Идеал рабочего мира, пишет напр. Лабриола [5] это — экономическое общество, организованное исключительно для производства и в котором исчезла всякая иерархия..., т. е. общество без государства, без тюрем, без войска, без законов". „Социальная революция... должна осуществить автономное управление производством ассоциациями рабочего класса" (там же). „Пользоваться государством и его органами для произведения социального переворота", говорит Лягардель [6], это — такая же фантастическая мысль как фурийские химеры". И таких цитат можно было бы привести множество из произведений писателей этого лагеря, как по вопросам тактическим, так и в области теоретических идей. „Синдикалисты"-социал-демократы высказывают относительно философско-исторических взглядов марксизма мнения довольно-таки еретические. Фатализм, к которому в крайних выводах приводит точка зрения экономического материализма, и самая теория последовательных стадий развития кажутся им глубоко реакционными. В той же статье Лабриола („От парламентаризма к синдикализму") мы находим едкую характеристику того, к чему приводит социалистов теория „органического хода вещей". В ней находит себе оправдание весь оппортунизм, вся трусость мысли социал-демократии. „Таким образом возникают всевозможные виды практического, положительного, благонамеренного социализма", пишет он, и с иронией напоминает, по поводу претензии такого социализма на термин „научного", о существующем в Италии журнале под названием „Журнал научной полиции"! Но затем наш автор вспоминает о том, что он все-таки член партии, и старается на месте ложного экономического материализма подставить настоящий. Этот последний, наоборот, говорит он, — доктрина революционная: она предполагает, что „история — продукт сознательной воли человека". „Основной принцип исторического материализма, это — что люди творцы своей собственной истории" (там же). И вот, охарактеризовав таким образом доктрину марксизма, наш „синдикалист" уже без труда заключает, что философско-исторические взгляды синдикалистов происходят прямым путем от Маркса.

Стройной социологической или исторической системы синдикализм, конечно, не выработал; это никогда и не было его задачей. Тем не менее мы находим в синдикалистской пропаганде две довольно ясно просвечивающие идеи: это — отрицание фатальности исторических законов и революционная роль меньшинства. Первый вопрос явился им в виде вопроса о Лассалевском „железном законе" заработной платы, и они ответили на него так: „Этот закон был бы, может быть, таковым, если бы не существовало рабочего движения, но оно существует, а потому окажет свое давление и помешает закону оправдаться на деле. Наше активное вмешательство изменит фатальный ход вещей". И эта точка зрения вполне подходит к общему тону революционного синдикализма: главная его черта, это — гордая уверенность в своих силах, в рабочих силах. Стоит послушать любого синдикалиста агитатора, прочитать любую газетную статью этого направления, чтобы почувствовать присутствие этой рабочей гордости. И идея всеобщей стачки, присущая революционному рабочему миру, не мало служит к поддержанию этой уверенности в своих силах.

Революционная роль меньшинства — вторая, более разработанная, историко-философская идея синдикалистов.

Эта идея встречается во всех программах, так сказать, произведениях синдикализма и обуславливает самый характер его, как движения революционного, не желающего приспособляться к общей массе всегда более инертного большинства.

Мы уверены, что всякий анархист, прочитавши эти строки, скажет: „да ведь это— наши идеи!" И это действительно так не только теоретически, но и фактически. Теорию революционной роли меньшинства, не диктаторского, а меньшинства,—авангарда революции, развивала всегда анархическая литература. Начиная с „Речей Бунтовщика" [7], ее можно найти во всех анархических произведениях, где только затрогивались эти вопросы, и теперь, в изложении синдикалистов, мы встречаемся не только с той же идеей, но с тем же обоснованием, с той же формулировкой ее.

Что касается вопроса о роли личности в истории, то хотя специально анархизм его до сих пор не разработал и своей историко-философской системы, в стройном и законченном виде по крайней мере, не выдвинул, но симпатии всех анархических теоретиков были всегда на стороне защитников „активного прогресса". И когда современный синдикализм, в свою очередь, примыкает к этого рода течению мысли, то ответ на вопрос: с чем встречаемся мы здесь, с анархизмом или с социал-демократией— становится совершенно ясным [8]. Очень уже далеко от этого провозглашения роли личности до безличной доктрины исторического материализма!

Но этого мало. Для всякого, кто следил за внутренним развитием рабочего движения, напр. французского, ясна не только логическая, но фактическая преемственность этих идей: отрицание исторического фатализма и идея революционного меньшинства были бесспорно внесены в рабочее движение вступившими в него анархистами. В первые годы мы находим эти идеи главным образом в произведениях наших пропагандистов [9]; теперь они стали достоянием всех сторонников революционного синдикализма. Движение представило для этих взглядов вполне подходящую почву: его практике могла отвечать только эта теория. Иначе говоря, переходя в теоретическую область, революционный синдикализм принимает взгляды анархизма, и иных принять не может.

II

Современный революционный синдикализм — явление новое только для людей настоящего поколения: наши отцы знали в 60-х и 70-х годах, грандиозное движение в значительной степени проникнутое тем же духом — движение Интернационала/Международного Общества Рабочих.

Эпоха Интернационала и его организация имеют для истории социализма решающее значение: здесь социалистическая идея сблизилась окончательно с практическим, реальным движением рабочих масс и сделалась их идеей; здесь же возникли и оформились главные, до сих пор существующие, течения социалистической мысли. В нем же, в Интернационале,

проявился впервые и основной раскол в социализме: между социалистами-государственниками и социалистами анти-государственниками (анархистами), раскол, который впоследствии, по мере разработки программ и проверки их на деле, углублялся все дальше и дальше и привел к такой непримиримой вражде, перед которой, увы! часто бледнеет вражда к непосредственному общему врагу.

Те взгляды, которые мы теперь называем революционно-синдикалистскими, имеют в Интернационале своим источником то самое направление, от которого ведет свое начало и анархизм в точном смысле слова. Нам уже пришлось сослаться на статью Бакунина, „Политика Интернационала“, помещенную в газете „Egalite“ в 1869 году. „Буржуазные социалисты“, о которых говорит Бакунин, — не марксисты Интернационала (которые в то время еще не выдвинули с полной ясностью теории завоевания власти и участия в парламентской деятельности), а буржуазные либералы Лиги Мира и Свободы. И однако, полемизируя с ними, Бакунин делает им те же возражения, какие делаем мы теперь нашей социал-демократии.

“ „Это безошибочный признак, по которому рабочие могут узнать фальшивого социалиста, социалиста буржуазного: если, говоря им о революции или о социальном перевороте, он говорит им, что политический переворот должен предшествовать перевороту экономическому... пусть рабочие повернут ему спину, потому что он или просто глуп, или лицемерный эксплуататор" [10].

Истинный социалист стремится к одновременному осуществлению политического и экономического переворота; Интернационал, верный основному пункту своих статуты о подчинении всякого "политического движения экономическому, „придает рабочей агитации всех стран характер исключительно экономический" (стр. 31). Средства этой агитации— объединение рабочих масс и организация касс сопротивления [11]. Борьбе рабочих против хозяев, на почве чисто рабочих интересов, Бакунин придает громадное значение. Положение рабочей массы таково, говорит он, что надеяться развить и подготовить ее к революции исключительно путем теоретической пропаганды — нельзя. „Им остается только один путь, *путь практического освобождения*. Какова же может и должна быть эта практика? Существует только одна: это — солидарная борьба рабочих против хозяев. Это — *рабочие союзы, организация и федерация касс сопротивления*" (стр. 19).

Это ли не современный нам „революционный синдикализм"?

В последующие годы различие между двумя фракциями Интернационала, до тех пор скрытое, стало явным. Уже в 1870 году, резолюции обеих частей расколовшейся — после конгресса в Шо-де-Фоне — Романской федерации, ясно обнаруживают противоположность основных точек зрения. Резолюция большинства высказывает мысль о необходимости замены политического общества экономическим, о том, что всякое государство есть ничто иное как организованная буржуазная эксплуатация, и что всякое участие рабочего класса в буржуазной правительственной политике ведет только к упрочению существующего порядка вещей. В заключение говорится:

„Романский конгресс приглашает все секции Международного Общества рабочих отказаться от всякой деятельности, имеющей целью произвести социальный переворот при помощи национальных политических реформ, и заняться делом федеративной организации ремесл, так как это—единственное средство обеспечить успех социальной революции. Такая федерация создаст истинное представительство труда; она должна быть совершенно независимой от всякой правительственной политики" [12].

В резолюции меньшинства (по составу очень смешанного: в него входили самые отсталые, буржуазные элементы Интернационала вместе с революционерами марксистского оттенка, во главе с Утиным) говорится наоборот, о вреде воздержания от выборов и предлагается активное вмешательство в парламентскую политику, в виде рабочих кандидатур.

С этого времени Интернационал очень резко делится на два течения: с одной стороны — завоевание политической власти путем проникновения в существующие государственные учреждения, парламенты и проч.; с другой — организация рабочих вне государства и против него. Второе течение не отказывалось от политики в широком смысле слова, как не отказываются от нее и теперь анархисты и синдикалисты; оно отрицало только политику *парламентскую, буржуазную, легальную*.

Одновременно с этим обнаружились и различия в организационных взглядах: первые были централистами, вторые — федералистами. И это было неизбежно: взгляды той или иной категории всегда находятся между собою в логической связи. Программа завоевания или захвата власти, политического переворота сверху вниз, идеал „народного государства" (Volksstaat) — все это ведет к централизаторскому понятию об общественной и партийной организации. Наоборот, общественный идеал свободного союза независимых производительных групп и связанная с ним программа экономической революции снизу вверх, требуют проведения федералистических взглядов и в вопросы настоящей борьбы. Вот почему, не только анархисты, но и революционные синдикалисты оказываются федералистами, как были ими представители того же направления, — их предшественники в Интернационале.

Период ожесточенной борьбы обеих фракций — от 1870-го года до гаагского конгресса 1872 года, был периодом постепенной разработки и резкого противопоставления обеих программ. Взгляды федералистов выражаются особенно решительно, особенно уверенно и энергично; их идеи провозглашаются повсюду, на всех конгрессах, во всех странах (в Швейцарии, в Испании, в Италии, в Бельгии). В „Бюллетене Юрской Федерации" мы находим ряд статей о бесполезности рабочего законодательства, о том приеме борьбы, который мы называем теперь „захватным порядком" (action directe), о трэдюнионах английского типа (которые „Бюллетень" подвергает строгой критике) — словом обо всех тех вопросах, которые ставятся теперь, с теми же — нашими — решениями.

Гаагский конгресс был, как известно, сигналом распада Интернационала и гибели нейтралистской, марксистской его части. Федералистический Интернационал — за которым стояли все действительно живые, а не на бумаге только существующие федерации — оказался более живучим: он существовал до 1878 года, деятельно работая, поддерживая

связи между федерациями, собирая ежегодные конгрессы. Интересно, что на Женевском конгрессе 1873 года был выдвинут вопрос о всеобщей стачке [13]. Правда, понятие о ней было еще очень смутное: от того, что говорилось тогда, до точности и определенности взглядов теперешней французской Всеобщей Конфедерации Труда — еще очень далеко, но знаменательно уже то, что вопрос был поставлен, и поставлен именно федералистическим Интернационалом. Выдвинут он был бельгийцами; имелась в виду международная всеобщая стачка, точнее говоря — начатая повсюду для поддержки революции, вспыхнувшей в какой-нибудь одной стране. Бельгийский делегат Верайкен указывал на значение, которое имела бы подобная стачка для поддержки напр. Парижской Коммуны или Испанской революции. Другие делегаты говорили об осуществимости одновременной забастовки во всех странах, о необходимости предварительного развития рабочих союзов, о частичных стачках, и т. д. В общем, всеобщая стачка, представлялась еще тогда стачкой „со сложенными руками“; о ее непосредственном переходе во всеобщую экспроприацию еще не было речи. К какому-нибудь определенному заключению дискуссии не привели, и в принятой резолюции говорится только о необходимости развития международных профессиональных рабочих организаций.

По вопросу о роли рабочих организаций очень ясный ответ дал последний конгресс федералистического Интернационала (в Вервье, в 1877 г.). Пока профессиональный союз, говорится в этой резолюции, ставит себе целью исключительно временные улучшения, он не приведет к окончательному освобождению рабочих. „Он должен поставить своею целью уничтожение наемничества, т. е. уничтожение класса хозяев, и овладение орудиями труда, путем экспроприации их владельцев“.

Итак, основная точка зрения современного синдикализма — как и основная точка зрения анархизма — находит себе очень ясное выражение у федералистов Интернационала, у тех, кого называли „бакунистами“, у Юрской Федерации; точно также современная социал-демократия исторически связана с марксистскою, централистическою ветвью той же Ассоциации.

Но вопрос был поднят, и очень немного времени спустя „Бюллетень Юрской Федерации“ выражается уже гораздо более определенно. „В виду того, как мало настоящих улучшений принесли, несмотря на громадные жертвы со стороны рабочих, частичные стачки — в среде рабочих ассоциаций, организованных лучше чем наши, серьезно начинает обсуждаться мысль о всеобщей стачке трудящихся, которая положила бы конец их бедствиям. Такая стачка, несомненно, явилась бы революционным актом, способным ликвидировать современный общественный строй и вполне преобразовать его согласно социалистическим стремлениям рабочих“ (№ от 29 июня 1874 года).

В следующей главе мы рассмотрим постановку этих же вопросов в анархическом движении, в период, последовавший за Интернационалом.

Мы видели, как решались в федералистической ветви Интернационала существеннейшие вопросы рабочего движения: эти решения были очень близки к тем, какие дает нам

современный революционный синдикализм во Франции.

Но ход развития далеко не был здесь непрерывным. Реакция, последовавшая за поражением Коммуны, гибель и изгнание наиболее энергичных деятелей, преследования против членов Интернационала во всех странах — все это не могло не повлиять, хотя бы временно, подавляющим образом. В социализме получило преобладание умеренное течение, повернувшее в сторону легализма и парламентской политики; в профессиональном движении на сцену выступили буржуазные мютюалисты, сторонники примирения классов, — те самые люди, с которыми в прежние годы боролись деятели Интернационала. Рабочие союзы казались им такими организациями, с помощью которых можно с успехом канализировать и обезвредить рабочее движение; они окружили их бдительной опекой, доставили им свое милостивое покровительство и постарались овладеть ими, — сначала даже через своих людей, в роде Дюпира, а впоследствии через честолюбцев, в роде Барбере.

Затем, в 1884 году, после сильного брожения в Лионе, Монсо-ле-Мин, Сент-Этьене, Вьенне и т. д. (которым конечно постарались воспользоваться роялисты против республиканцев), и после Лионского процесса наших товарищей анархистов, наделавшего много шума, оппортунисты решились вызвать рабочее брожение наружу, позволивши открыто организовать рабочие союзы. После закона 1884 года, разрешившего профессиональные ассоциации — творение одного из умнейших политиков буржуазии, Вальдека Руссо — рабочие, думали они, навсегда забудут о социализме и о революции.

Понятно, что в эти реакционные годы мечтать о проникновении революционеров в профессиональные союзы было трудно, думать о подчинении их, как организаций, влиянию революционного социализма — невозможно. Оставалось только одно: пытаться действовать на рабочую массу независимо от них; так и поступали в это время все социалисты, не перестававшие стремиться к расширению задач движения в направлении социализма.

Нередко приходится слышать, что в первые времена развитая анархизма, наши товарищи относились отрицательно к рабочему движению, сторонились от массы и, замыкаясь в гордом одиночестве, занимались больше всего культивированием собственной индивидуальности. Нам часто говорят, что только в последние годы анархисты пошли к рабочим, что современный синдикализм — уступка со стороны анархизма духу социал-демократии, а не наоборот. Нужно заметить, что, в полемическом отношении это — прием очень удобный; но в основе его лежит полное незнание с историей анархизма, и находить себе отклик он может только благодаря тому, что среди нашей публики до последнего времени можно было безнаказанно распространять какие угодно исторические басни. Между тем проверить их не так трудно: стоит только познакомиться с анархической литературой за этот период времени, чтобы увидеть, как пишется социал-демократическая история.

С 1879 года начала издаваться в Женеве газета „Le Revolte“, положившая в основание своей программы взгляды федералистической ветви Интернационала [14]. Орган этот, однако, не ограничивался проведением уже известной точки зрения: он развивал ее дальше, и положил начало последовательной и стройной разработке анархических идей - теории и тактики.

Руководящие статьи этой газеты, появлявшиеся тогда без подписи, как статьи редакционные, — те самые „Paroles d'un Revolte", („Речи Бунтовщика"), которые, выйдя впоследствии цельной книгой за подписью П. А. Кропоткина, стали настольной книгой каждого революционера во Франции, да и не в одной Франции. В этих пламенных статьях социалистической мысли открывались неведомые доселе горизонты; перед рабочим движением ставились задачи, захватывающие дух. Идея социалистической экспроприации становилась доступной, осязательной. Вместе с тем, на первый план повсюду выдвигалась самодеятельность рабочей массы, развитие в ней „бунтовского духа", необходимость движения снизу вверх, общественной организации снизу вверх. Говорить об аристократическом индивидуализме анархистов этого периода можно, очевидно, только обращаясь к публике, никогда не читавшей ни одной строчки этого типичного анархического profession de foi.

Задача расширения целей рабочего движения стоит в „Revolte", на первом плане; газета внимательно следит за фактами рабочей борьбы, каждый раз показывая необходимость революционизировать стачки и довести их до попыток всеобщей экспроприации. Точно также „Revolte" приветствует все революционные акты, происходящие в процессе этой борьбы: попытки восстаний, акты экономического террора и т. д. [15]. Относясь отрицательно к трэд-юнионизму, создающему рабочую аристократию, наши товарищи, тем не менее, сочувствуют образованию крестьянских союзов, проникнутых более живым и революционным духом, охотно печатают объявления о новых корпоративных органах социалистического оттенка, о собраниях и митингах, имеющих целью вдохнуть в рабочее движение революционную энергию. Одной из первых попыток этого рода было собрание в Париже (в 1885 году) 22-х корпораций строительных рабочих, поставивших, между прочим, вопрос о всеобщей стачке. „La Revolte" (продолжение „Le Revolte") приветствует по этому поводу начало освобождения корпораций от парламентской рутины и стремление рабочих самим взяться за свои дела. — Повсюду, где возможно, анархисты принимают горячее участие в стачках и, вообще, рабочих движениях, стараясь отклонить их от легализма и увлечь на революционный путь. Они не разделяют, конечно, иллюзий рабочих относительно результатов конкретных завоеваний и всегда пытаются показать невозможность коренных улучшений в капиталистическом строе; но они тем не менее ценят а стачке — особенно в стачке революционной — ее воспитательный характер, видят в ней форму протеста, волей неволей приучающую к самодеятельности рабочую массу.

В стачечном вопросе наши товарищи 80-х годов стоят не против конкретных требований, а лишь за расширение их, за революционизирование способов их удовлетворения. Стачке „со сложенными руками" они противопоставляют стачку-бунт. Участие анархистов во всех крупных стачках — во Франции, в Швейцарии, в Бельгии, в Америке — служит этому доказательством. „Наше дело", — пишет в 1888 году „La Revolte" по поводу забастовки землекопов в Париже, — „пристать к движению; когда льется кровь, не время рассуждать о его пользе или бесполезности".

Типично в этом отношении известное дело в Чикаго. 1-го мая 1886 года там вспыхнула, по инициативе „Рыцарей Труда", крупная стачка. Грандиозная рабочая демонстрация была разогнана полицией, произошло избиение рабочих. Анархисты созывают митинг, готовят бомбы, оружие. На митинг они, однако, явились безоружными: знаменитая бомба была

брошена не ими. Но заплатились за движение именно анархисты: самые выдающиеся, лучшие, благороднейшие люди американского движения — Шпис, Парсонс, Фишер, Энгель погибли на виселице, Линг убил себя перед казнью. Ярость буржуазии против них не знала пределов; никогда, кажется, не требовала она так жадно крови, не смаковала так цинично предстоящей казни. Но также горячо встали на их защиту рабочие массы; агитация в их пользу приняла во всех Соединенных Штатах необычайные размеры и сразу подвинула вперед рабочие организации, из которых некоторый прямо заявили себя солидарными с анархистами. В одном воззвании нью-йоркской „Федерации Ремесл“, например, говорилось между прочим очень определенно: "Анархия, это— человечность, это — свобода, это - справедливость!".

Анархисты участвовали и в знаменитой лондонской демонстрации безработных на Трафальгар-сквере (в 1887 году), и в подобной же демонстрации в Париже в 1883 году (после которой были осуждены Луиза Мишель и Пуже), и в других, менее крупных, эпизодах рабочей борьбы. Приветствуя каждый шаг вперед рабочих организаций по пути социализма, они кое-где уже начинают приобретать на них влияние. В 1888 году в Лондоне происходил конгресс трэд-юнионов, при участии рабочих организаций других стран — французских, бельгийских, голландских, датских. Трэд-юнионы, говорит „La Revolte“, проникнуты реформаторским духом, но они стоят за реформы, добытые самими, рабочими; среди них можно, поэтому, надеяться посеять и более правильные взгляды. Анархист Тортелье (француз) принимает в конгрессе живое участие, восстает против реформ свыше, возбуждает интерес слушателей; конгресс, в конце концов, принимает предложенную им резолюцию, в которой говорится, что „рабочие должны рассчитывать для своего освобождения только на свои собственные силы“.

Следующий год — 1889-ый — был годом крупных стачек, принимавших, кое-где характер всеобщих. Особенно замечательна была лондонская стачка в доках, поднявшая массу непрофессиональных рабочих, тогда еще неорганизованных и считавшихся „несознательными“. Анархисты приветствовали их выступление, а также и связанное с ним зарождение в Англии рабочих союзов нового типа, более подвижных и более восприимчивых. Очень важным явлением казалась им и самая стачка — по высокому проявлению в ней рабочей солидарности и по успехам, которые сделала во время ее идея всеобщей стачки.

Страной, где анархистам раньше всего удалось приобрести влияние на рабочие организации, была Испания. Еще в 1871 году анархические принципы были впервые приняты рабочим конгрессом в Барселоне, объединившим большинство рабочих корпораций страны. С тех пор анархисты не переставали там быть душою рабочих организаций. То, что мы называем теперь революционным синдикализмом, нашло себе раньше всего выражение именно здесь. В Испании, больше чем где бы то ни было, сохранились формы организации Интернационала (местные и областные федерации, объединяющиеся в общую Испанскую Федерацию); вместе с тем испанские рабочие всегда умели совмещать деятельность открытую, необходимую для обширных рабочих организаций, с деятельностью тайной, также необходимой, но требующей гораздо более тесные группы, тогда как в других странах исключительный перевес обыкновенно давался той или другой — с ущербом для общего движения. Секции Интернационала, создавшиеся под влиянием „бакунистов“, здесь

были тайные, вследствие гонений, последовавших за провозглашением коммуны в Ялькое и Картагене и за движениями в Андалузии и в Барселоне. Но эти секции были всегда в самой тесной связи с профессиональными — рабочими и крестьянскими — союзами. Особенно сильно было их влияние, на барселонских рабочих, организованных в громадную (80.000 человек) „федерацию ремесл". Им именно обязаны мы широкими рабочими движениями в этой области в последующие годы и сильным развитием в ее населении социалистических и революционных идей.

Нужно заметить еще, что испанские анархисты всегда держались того взгляда, что рабочие союзы могут составить зародыш тех групп, в руках которых окажется в будущем заведывание экономической жизнью. Еще в 1887 году мы находим в органе испанских анархистов „ El Productor" [16] воззвание, в котором, между прочим, говорится, после изложения экономического идеала анархизма: „Производитель — истинная общественная единица... Первая общественная группа, это — группа производителей одной и той же отрасли труда. Основным общественным договором заключается между производителем и соответственной группой производителей той же отрасли" (Манифест Испанской Федерации). Понятно, что такая точка зрения придавала в глазах наших испанских товарищей, рабочим союзам такое значение, какого они далеко не имели для других.

Вообще говоря, этот взгляд не был свойственен в то время всем анархистам, да и теперь играет в их „синдикализме" несущественную роль. Основная черта экономического идеала анархизма — свободная федерация производительных групп — не меняется от того, будут ли эти группы продолжением современных рабочих союзов, или возникнут самостоятельно, в момент революции. Принципиального значения этот вопрос не имеет, и анархическая пропаганда первых десятилетий им мало занималась: одни представляли себе эти группы из рабочих одной профессии, другие — из жителей одного квартала города; третьи, и они составляли большинство, — в виде двойной сети профессиональных союзов для общественного производства, и территориальных коммун для Потребления, Но по мере того, как рабочее движение развивалось, как *профессиональное*, и рабочие союзы проникались социалистическими и революционными тенденциями, по мере того, особенно, как вырабатывалась в них идея всеобщей стачки, будущая форма экономических групп обрисовывалась более конкретно: становилось ясно, что революционные рабочие союзы, более чем какие либо другие группы, подготовлены к тому, чтобы овладеть производством в момент революции, В настоящее время большинство наших товарищей, в странах, где развит революционный синдикализм, стоит именно на этой точке зрения.

Но как бы ни решался этот вопрос, отличительная черта синдикалистской тактики — прямое воздействие, захватный порядок — неуклонно проповедывалась анархистами. Самое выражение „action directe" (впоследствии популяризированное в рабочем движении, главным образом нашим товарищем Пуже) было употреблено, если не ошибаемся, в первый раз газетой „La Revolte" по поводу стачек в бельгийских угольных копях в 1887 году [17]. Точно также, когда был поставлен вопрос о 8-ми часовом рабочем дне, анархисты, критиковавшие практические результаты его достижения, говорили вместе с тем: „Вы хотите иметь 8-ми часовой рабочий день? Берите его! Уходите из мастерских, проработав 8 часов — и вы достигнете своего" [18].

„Вы хотите восьмичасового дня?" писала английская анархическая газета Freedom.

„Постановите сегодня же, на первом майском собрании, что завтра 2-го мая, вы все намерены пить свой пяти-часовой чай дома, и бросьте работу в четыре часа". (Напиться дома чайку в пять часов пополудни, — five o'clock tea—идеал всякого англичанина).

Не есть ли это тот же самый лозунг, который выставила во время майского движения 1906 года французская Всеобщая Конфедерация Труда? Наконец, даже идея „саботажа" была впервые развита в „La Revolte" по поводу начатой ирландцами в Глазго проповеди „Go sanny" (работай полегоньку).

Идея всеобщей стачки, возникшая в рабочей среде и принятая так враждебно социальдемократией всех стран, встретила, наоборот, полное сочувствие среди анархистов. Движение в Чикаго в 1886 году, о котором мы уже говорили выше, было одним из первых ее проявлений. Несколько позже в 1887 году происходили грандиозные стачки углекопов в Бельгии. В целом ряде статей „La Revolte" высказывает взгляд анархистов на эти события. Как наши недавние русские стачки, бельгийская стачка имела политический характер: она была начата во имя республики и всеобщего избирательного права. Анархисты однако далеко не отстраняются от движения; наоборот, они принимают в нем самое горячее участие, сея везде, где возможно, мысль, что передовые рабочие должны были бы, вместо того, чтобы кричать: „Да здравствует республика! да здравствует всеобщее избирательное право!", перейти к экспроприации копеек и увлечь таким образом за собою умеренную, обуржуазившуюся часть рабочих организаций [19]. Всеобщую стачку, как средство борьбы, анархисты признают своим средством, и радуются, что, не смотря на все противодействие социальдемократической рабочей партии, считающей ее возможной только при наличии миллионов капиталов (слова Гэда), масса идет именно к этому приему рабочей борьбы. Вместе с тем наши товарищи настаивают на том, что всеобщая стачка, чтобы принести какие бы то ни было плоды, должна быть не мирной, а революционной. „Она не будет, пишет по этому же поводу „La Revolte" [20], „войной со сложенными руками. Она будет общим восстанием. Народ понимает, с чего должна начаться революция". Но, чтобы стачка была успешной, нужно еще одно условие: она должна начаться самопроизвольно, естественно возникнуть из разросшегося движения, а не быть декретированной какою нибудь центральной организацией» [21]. Вместе с тем, вовсе не нужно ожидать стачки всеобщей в буквальном смысле: для приостановки экономической жизни достаточно, чтобы забастовали 3-4 важные отрасли производства.

Немногочисленны были в то время приверженцы идеи всеобщей стачки, но сама жизнь подсказывала такое решение вопроса и прибавала этой идее дорогу. Здесь не место обрисовывать историю ее развития. Напомним только в двух словах, что в 1888-м году вопрос был впервые поставлен на съезде профессиональных организаций во Франции; он обсуждался вновь на конгрессах последующих годов, и наконец, в 1894 году, на конгрессе в Нанте, сторонники всеобщей стачки одержали решительную победу: всеобщая стачка стала с того времени главной руководящею идеею французского рабочего движения, в последующие годы разработавшего и развившего ее.

Не анархисты, конечно, изобрели и ввели этот прием борьбы, уже предлагавшийся в Интернационале (они никогда и не претендовали на это); но они оказались верными выразителями рабочего настроения, верными указателями пути, наиболее подходящего для рабочего движения. Нельзя не отметить, что в этом вопросе они стояли очень ясно впереди движения: их понимание всеобщей стачки было с самого начала тем самым, к какому пришли рабочие массы в своих организациях постепенною выработкою и выяснением идей — в теории и на практике. Понятие современного революционного синдикализма о всеобщей стачке есть то понятие, которое составили себе наши товарищи еще в самом начале движения.

Международный социалистический конгресс 1889 года происходил с участием анархистов, которые явились на нем единственными защитниками всеобщей стачки, единодушно отвергнутой социальдемократией. Именно как подготовка ее, поняли они и решение о первомайских демонстрациях, заимствованное конгрессом у американских рабочих движений предыдущих годов. Многие, казалось, должно было отталкивать наших товарищей от этого движения: поставленное требование (8-ми часовой рабочий день) было чисто-реформаторским по существу, да и проводить его предлагалось, главным образом, посредством делегаций и ходатайств к парламентам. Верное революционное чутье, однако, подсказало анархистам, что сторониться от движения было бы непростительной ошибкой с их стороны. Наша личная инициатива, писал „La Revolte" по поводу первой демонстрации 1-го мая в 1890 году, должна прилагаться к массовой борьбе; наше дело — быть „там, где собираются массы и в тот самый момент, когда они собираются!" Значение 1-го мая, говорят наши товарищи, не в том, что составляет его внешний лозунг: не в 8-ми часовом рабочем дне, а в идее всеобщей забастовки в этот день доказывающей возможность ее, и в виду более широких целей. Демонстрация 1-го мая приучает рабочих к прямому, революционному способу действий.

Вот почему анархисты повсюду принимали в первомайских демонстрациях горячее участие; в Париже, группа анархистов была единственной, устроившей в этот день революционную уличную демонстрацию с красным знаменем, в то время как социальдемократия торжественно отправляла депутацию в Палату [22].

Этой же тактике оставались верны анархисты и в последующие годы, когда возмущались вырождением первомайского движения и осмеивали патриархальные воскресные прогулки, в которые оппортунисты социализма обратили революционные рабочие манифестации. И движение, действительно,глохло и теряло постепенно всякий смысл, пока, наконец, — в самые последние годы — его не взяли наконец в свои руки революционнонастроенные рабочие союзы. Теперь оно начинает возвращаться к тому, чем было в глазах его инициаторов и чем всегда должно было оставаться: демонстрацией, воспитывающей рабочих к солидарному выступлению и вместе с тем показывающей буржуазии их силу.

В половине девяностых годов разочарование рабочих в парламентской тактике стало заметно обрисовываться; отсюда — начало сближения между передовой частью рабочих союзов и социалистических партий, с одной стороны, и анархистами с другой. На Цюрихском международном конгрессе 1893 года, анархисты, в своих столкновениях с социал-демократией уже встретили поддержку со стороны крайних групп других социалистических партий и некоторых представителей синдикатов. Это сейчас же показало социал-демократии, где кроется опасность для будущего, и заставило принять предохранительные меры. Известная цюрихская резолюция против анархистов была проведена именно тогда: она гласила, что всякая группа, посылающая делегатана международный конгресс, обязана подписаться под заявлением, в котором провозглашается необходимость политической борьбы. Чтобы неопределенность этого термина не могла быть истолкована в пользу анархистов, к решению было присоединено примечание, в котором говорилось, что под *политической* борьбой нужно понимать ни что иное как борьбу *парламентскую*. Этим решительно исключались из будущих международных „социалистических" конгрессов анархические -и вообще анти- парламентарные группы.

Одновременно с общим конгрессом, анархисты и сочувствующие им группы устроили свою особую конференцию, на которой, среди других вопросов, значительное место было уделено вопросам рабочим. Говорилось о необходимости поставить экономическую борьбу над борьбой политической (речь Домелы Ньювенгейса), о всеобщей стачке, как начале социальной революции, о ежедневной экономической борьбе, революционизирующей и воспитывающей рабочую массу, о роли в этом воспитании частичных стачек и т. д. Рабочее движение нужно поддерживать всеми средствами, говорится в одной из резолюций конференции, тем более, что рабочие союзы призваны стать ядром социалистического общества.

Не нужно забывать, что цюрихский конгресс происходил в разгар того недлинного, но громкого периода анархического движения, когда террористические акты, вызванные правительственными преследованиями против анархистов, стояли на первом плане в их деятельности, когда террористическая борьба поглощала все лучшие силы, а акты индивидуального героизма поневоле отвлекали внимание от организационной, подготовительной работы в массах. Правда, и в это время анархическая пресса — вплоть до того момента, когда под давлением репрессий все анархические органы должны были временно закрыться — не переставала напоминать о необходимости общения с рабочей средой и постоянно обращала внимание товарищей на факты рабочего движения; но, в общем, это был период блестящих индивидуальных актов и блестящих надежд: рассчитывая на большую, чем оказалось, революционную подготовленность массы, некоторые деятели этого периода думали, что их примера будет достаточно, чтобы поднять ее; в то время, как другие продолжали работу в синдикатах, проникнутых более революционным духом. Первые ошиблись, но не нужно думать, что эпоха террора прошла бесследно. Вызвав, с одной стороны, небывалые гонения на анархистов во всех странах (повальные аресты, казни, исключительные законы, бесчисленные преследования анархической печати), она возбудила, с другой, необычайный интерес к анархизму, как идее, во всех слоях общества. Некоторые анархические акты были особенно популярны (напр. бомба Вальяна) и привлекли к анархизму новых сторонников.

Прошло очень немного времени, и, несмотря на реакцию, анархическое движение возобновилось. Работа анархистов среди рабочих союзов (парижских плотников, Монсоле-Минских углекопов, Лионских ткачей) никогда не прекращалась, и в период терроризма девяностых годов продолжалась — в виде пропаганды, актов террора против хозяев и мелких бунтов. В то же время некоторые анархисты продолжали вести синдикальные газеты отдельных ремесл („Рубанок" и другие). Теперь наши товарищи выдвинули на первый план подготовительную деятельность среди масс, с той целью, чтобы следующий период революционного под'ема и активных выступлений — индивидуальных, или коллективных — уже не прошел без отклика с их стороны. Вопрос об участии в рабочих союзах выступил на первый план.

Здесь нужно сделать одно необходимое замечание. Проповедуя с самого момента зарождения движения те идеи, которые теперь начинают получать широкое распространение под названием „синдикалистских", анархисты тем не менее старались по большей части действовать на рабочую массу, стоя вне ее профессиональных организаций. Такая тактика вполне объяснялась консервативным характером, которым отличались в то время эти организации. Мало по малу, однако, их общий характер изменился, в значительной мере под влиянием таких деятелей, как Пеллутье, который с 1892 года работал в профессиональных организациях, а с 1895-го и до самой своей смерти (в 1901 году) был секретарем Федерации французских Бирж Труда. Пеллутье был человеком большого организаторского таланта и необычайной энергии; больше чем кто .бы то ни было боролся он в среде рабочих союзов с влиянием социальдемократии и работал для распространения там революционных и анархических идей.

Мало по малу новый дух проникал в рабочие синдикаты. Возможность совместного действия между ними и анархистами обнаружилась особенно ясно на лондонском конгрессе 1896 года. Цюрихская резолюция делала невозможным участие в нем анархических групп, но социал-демократии не удалось все таки избавиться от присутствия анархистов: наиболее видные деятели нашего движения — Грав, Малатеста, Луиза Мишель, Черкезов и значительное число других, менее известных, — явились на конгресс, посланные туда *рабочими организациями*, главным образом французскими.

Они получили от синдикатов совершенно определенные полномочия — полномочия, которые по всем существенным вопросам оказались в полном согласии с личными убеждениями делегатов. Это одно уже показывает, как далеко ушли в то время многие рабочие союзы от былой косности и политиканства. К сожалению, этот шаг вперед был сделан, из крупных стран (кроме Испании — где рабочие союзы с 1872 года шли вместе с анархистам) в одной лишь Франции; в Германии — игравшей на конгрессе решающую роль — безраздельно господствовала социальдемократия. Под влиянием последней была принята еще одна резолюция, положившая конец участию анархистов в международных конгрессах: было решено, что впредь резолюция об обязательности парламентской борьбы будет приложима не только к партийным группам, но и к рабочим синдикатам, которые цюрихская резолюция оставляла в этом отношении свободными. Протест против такого насилия над свободой мнений, против такого преобладания парламентаризма над социализмом, об'единил на конгрессе анархистов и рабочие организации, а также и те социалистические фракции, которые находились (как напр. аллеманисты того времени во Франции) под сильным

влиянием рабочих союзов. — Попутно, в дебатах, были выяснены многие недоразумения; отношения доверия и солидарности между анархистами и профессиональными союзами упрочились.

Со времени лондонского конгресса, распространение революционных идей среди рабочих союзов быстро идет вперед; вместе с тем, наши товарищи все настойчивее поднимают вопрос о вступлении в синдикаты. За него высказываются, главным образом, более молодые товарищи, сблизившиеся с членами синдикатов по поводу лондонского конгресса и убедившиеся в их восприимчивости по отношению к анархическим идеям. Против него возражают деятели предыдущих годов, более старые, помнящие былую враждебность синдикатов ко всякой революционной тенденции. Но пример некоторых инициаторов (особенно Пеллутье) и поддержка, оказанная в Лондоне анархистам рабочими организациями, оказывали свое действие. Многие, наиболее энергичные деятели нашего движения (напр. Пуже) решительно вступили на этот путь и быстро стали приобретать влияние в синдикалистской среде. Опыт проникновения туда оказался удачным; скоро в руках наших товарищей был орган французской Всеобщей Конфедерации Труда, газета „Voix du Peuple" (Голос Народа).

Число тех, кого называли „анархистами-синдикалистами", быстро увеличилось, и в настоящее время почти все наши товарищи во Франции принимают живое участие в синдикальном движении. Всем известно, как усилилось оно за последние годы и как оно теперь начинает перекидываться из Франции в другие страны, революционизируя даже германских рабочих. Революционный характер этого движения — в значительной степени результат деятельности анархистов. Конечно, его еще нельзя назвать анархическим, но оно уже восприняло главные взгляды анархистов на приемы и тактику рабочей борьбы, и мы, по справедливости, можем радоваться его успехам.

Здесь не место характеризовать современный революционный синдикализм, с его различными течениями и оттенками. Отчасти это было сделано в начале этого очерка; кроме того, русская публика могла в последнее время познакомиться со многими произведениями синдикалистской печати. Наша цель была, главным образом, показать преобладание идей этого направления в истории социалистического движения и их логическую связь с тем течением в социализме, к которому мы принадлежим, — с социализмом свободным, антигосударственным. Никакие полемические уловки, никакая игра слов, вроде того, что синдикализм не анти-парламентарен, а а-парламентарен, т. е. не против парламентской деятельности, а игнорирует ее, здесь не помогут.

Игнорировать парламентаризм, и отказываться иметь о нем определенное мнение, — нельзя. Социал-демократия представляющая компромисс между социализмом и стремлениями буржуазии, откладывающая социальный переворот на будущие века, а пока желающая разделить власть в буржуазном государстве с буржуазией, — может считать парламентскую деятельность полезным средством борьбы. Но синдикалист, желающий уничтожения наемного труда и стремящийся достигнуть своей цели прямою борьбою с капитализмом, не может не считать парламентаризма, бесплодным отвлечением от действительно

плодотворного дела — и тогда он не может не относиться к нему враждебно, видя его деморализующее влияние на массу, связанное с ним исчезновение революционного духа в социалистических партиях и общее понижение самодеятельности в народе.

Путь революционный и путь легальный, парламентский, взаимно исключают друг друга. Между всеобщей стачкой, переходящей в прямую экспроприацию, и захватом политической власти с целью декретирования мер социалистического характера, приходится выбирать. И этой альтернативы не замаскировать никаким переименованием „всеобщей" стачки в „Массовую", никаким низведением ее на степень орудия достижения частичных политических или экономических уступок.

Через *политическую революцию* к экономической — такова была с самого начала, и таковой остается до сих пор программа социальдемократии. Прямо к социальной революции, ко всеобщей экспроприации, к коммунизму — таков лозунг анархизма. Середины быть не может, и всякая партия, всякое общественное течение, раз ставши на тот или иной путь, должны идти до конца. Могут быть отклонения, могут быть уступки, но так или иначе все социалистические направления группируются вокруг того или другого из этих противоположных полюсов социалистической мысли.

Революционный синдикализм не только вступил на путь, ведущий к анархическому полюсу, но и подвинулся довольно далеко вперед. Этому обязан он всеми своими идейными и практическими завоеваниями. Чтобы сохранить их и развиваться дальше, он должен идти до конца; цельно и последовательно принять анархическое воззрение, как свою руководящую идею.

Примечания

1 См. статью в „Народной Газете". Цитируем по „Товарищу", № 239.

2 Статья Лабриола „От парламентаризма к синдикализму", в *Mouvement Socialiste*, дек. 1906 г.

3 Порча материала или, вообще, „плохая работа за плохую плату". Термин еще не имеющий соответственного в русском языке.

4 Газета „Egalite", 1869 г. Русский перевод вышел отдельной брошюрой в издании „Свободы" (Москва, 1906).

5 Статья „От парламентаризма к синдикализму" в *Mouvement Socialiste*, дек. 1906 г.

6 Статья: „Manheim, Rome, Amiens", в *Mouvement Socialite*, ноябрь, 1906.

7 Глава „Революционное меньшинство"

8 В западноевропейской литературе не существуют — или по крайней мере не оказывают никакого влияния — другие философские направления социализма, как напр. наша

субъективная социологическая школа.

9 Особенно в статьях и брошюрах Пуже.

10 Стр. 25—26, изд. „Свободы“.

11 Там назывались в то время рабочие союзы.

12 Приведено у J. Guillaume „L'Internationale, documents et souvenirs“, т. II, стр. 15.

13 Дебаты по этому вопросу происходили в закрытом заседании и до сих пор не были опубликованы; отчет о них имеется только в рукописном протоколе заседания.

14 Газета явилась продолжением „Бюллетеня Юрской Федерации“ — органа федералистического Интернационала — и газеты Avant-Garde, основанной Юрцами, как орган создавшейся в 1878 году тайной Французской Федерации Интернационала, а потом, с закрытием „Бюллетеня“, заступившей его место, но закрытой Швейцарским правительством в 1878 году. Влияние Французской федерации очень заметно было на конгрессах французских синдикатов; ее члены всегда присутствовали на этих конгрессах, как делегаты рабочих союзов, и их доклады составлялись сообща нашими товарищами.

15 См. особенно статьи по поводу восстания углекопов в Деказвиле и убийства рабочими местного деспота, инженера Ватрена.

16 Номер от 8 июля

17 № 20, год 1-й.

18 „La Revolte“, 1889 и 1890 гг.

19 „La Revoite“, год 9-й, № 9-й.

20 Год 9-й, № 8-й.

21 См. полемику по этому вопросу с Де-Папом и Анзеле, „La Revoite“, год 9, № 18.

22 Именно во время этой демонстрации были арестованы тов. Декан, Дардар и Левелье, избивание которых в полицейском участке, вызвало покушения Равашоля и положило начало террористическому периоду движения.

Версия #4

Зверобой создал 21 февраля 2026 06:41:59

Зверобой обновил 21 февраля 2026 06:44:29